

ДОБРОЕ ХОЛОДНОЕ НЕ БЫВАЕТ

Хороший воспитатель с точки зрения родителя

*Может быть, детсадовский возраст —
это не обязанность ученичества,
а право на наполненную добротой и улыбкой жизнь?*

Признаюсь, во мне, как, наверное, во многих, живёт угнездившееся в обыденном сознании и поддерживаемое государством пренебрежение к данному учреждению. Горшки, нянечки, три прихлопа. Ну, какое там воспитание? В нашей семье воспитывались без сада. Но младшей понадобилось, и мы забегали — а куда? к кому?

Знакомая, специалист-дошкольник, порекомендовала поблизости от дома. А потом, когда уже

полетели день за днём и месяц за месяцем, я вдруг спохватился, что этот кусок жизни моего ребёнка, и других детей, и взрослых, которые с ними, может пропасть безвозвратно. И стал ходить в этот, в общем обыкновенный московский сад образовательного центра № 170, в группу к своей дочке, и записывать. Так, всякие пустяки, из которых складывается детство. И наблюдать за деятельностью воспитателя, которого считаю хорошим. А что это значит?

С точки зрения начальства, методик, профессионального сообщества — может быть взгляд

один. А с родительской точки зрения — совершенно другой. Что значит хороший воспитатель в глазах родителя? Это, наверное, и воспитателю интересно знать. Между ним и родителем в саду нет такой пропасти, как в школе. Сад никогда не будет полностью государственным учреждением, и хороший воспитатель, по-моему, испытывает ответственность не перед начальством. В саду обитает доверие родителей.

Может быть, вообще детсадовский возраст это не обязанность ученичества, а право на наполненную добротой и улыбкой жизнь?

О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ И НАРОДНОМ САДЕ

Среда, 11 февраля 2004 г.

Лёша и Жорик пришли первые и с визгом носятся вокруг стола. Воспитатель Ольга Ивановна говорит: «Жорик, поставь на стол карандаши». И он это делает с удовольствием. Надо им все время что-то давать делать.

Окружили меня десятки глаз. Интересуются.

8:20. Зарядка. Ольга Ивановна шепотом пересчитывает: один, два, три... пятнадцать... И начинает разминку: «Буратино побежал. Гномики старенькие пошли: раз-два, раз-два... Побейте, побейте... Зайка взял морковку и попрыгал. Вот

какой весёлый заяц... Не вижу, не вижу!» — говорит она им вроде Станиславского, обращавшегося к актерам — «Не верю!»

8:30. Завтрак: геркулесовая каша, хлеб с маслом, кофе.

«Ваня и Ваня убирают со стола»

«А как вы решаете, — спрашиваю детей, — кто убирает со стола?» Девочка: «А кто съест, тот убирает». «Просто они плохо едят, а мы хорошо», — говорит Ваня, который убирал со стола. «Не-ет, — сообщает другой, — просто они быстро, а мы медленно...»

Столовая светлая, с пальмой, с красивыми цветами, сухими травами. За окнами — заснеженные ели. Как будто и не рядом с домом.

...Младшая группа выходит «паровозиком» — положив руки друг другу на плечи. А наша средняя — парами, потихоньку, «набрав в рот воды». А дальше можно и поговорить.

В коридоре, воспитательница замечает мимоходом: «Ой, как интересно... Вы видели, вчера ничего не было. А сегодня — новые картинки. Это какая роспись? «Дымковская» — «Молодец, Жора... А скоро у нас будет гжель, видите, по белому синее. У вас, наверное, дома есть посуда, спроси маму: у нас есть гжель? У меня дома есть, завтра я вам принесу...»

8.50. В группе. «Ребята, мы поиграем или мандарин съедем?.. Вот так стульчики надо расставить, друг за другом. Есть у нас мужчины?»

Один подошёл ко мне, спросил: «А что вы записываете?» — «Ну, как вы играете, записываю. На всякий случай» — «А физкультуру тоже?» — «Да» — «Физкультуру тоже записывает на всякий случай...» — пробормотал он.

Подошла Саша: «Хотите, я вам покажу коробочку? Там помада...»

Подошла Юля с подружкой Алёной, у той какие-то особенные косички, показывает. Всем хочется что-то показать.

А потом сами разбились на группы и разошлись по уголкам. Настя читает книжку группе девочек. Юля с Аленой хлопают друг друга в ладошки. Тамара готовит обед...

Но Ольга Ивановна недовольна: «Книгу почему-то не убрали. Черепашка не на месте. Настенька, положи лисичку, чтобы она лежала хорошенько».

Настя Шувалова, к которой испытываю родственные чувства (от неё приобрел детскую болезнь ветрянку), — кругленькая, ласковая, в очках: «Как вы думаете, на кого я похожа, на принцессу или на королеву?» — «А ты как думаешь?»

Стоит, пожимая плечами, — очень серьёзный вопрос.

Ольга Ивановна, обращаясь ко всем: «А как вы думаете, в какой стране мы живём?» — «В России» — «А в каком городе?... Может быть, нам куда-нибудь уехать?» — «Не-ет, здесь хорошо» — «А поедem куда-нибудь в лес, где живут зверюшки, птички — на север?... Сядем в поезд, нет, лучше в самолёт — и полетим. Берите билетки, занимайте места. Пристегнули ремни. Самолёт набирает скорость, летит быстро. А нам лететь далеко-далеко, к самому Северному полюсу. А вот бежать нельзя...» «Там дают покушать», — объясняет пассажир. «Летим, летим, и вот прилетели. За окном снег. И у нас тоже, смотрите, — снег. Прилетели. И кого мы первого встретим?» Все дружно: «Медведь!» — «Да, белый медведь. Посмотрите на картинку и скажите, на что он похож» — «На снег» — «На облако»...

Потом они выясняют, из чего медведь состоит (голова, лапы, уши), чем питается (многие считают, что травой). Все это не очень интересно, ну, да ведь Ольга Ивановна не была на севере.

А вот на юге...

«Можно расстегнуться. Снять тёплые шубы... Надеть легкие футболки, сарафанчики. И можно даже выйти из само-

лёта. Нет, билеты сохраните, а то как же вы дальше полетите. ... Ну вот, идем по степи, жарко...»
«Мне голову печёт!» — заявляет путешественник. — «Надень шапочку... И кто же к нам идет?» — «Верблюд!»

Ольга Ивановна жила в Казахстане и даже ездила на верблюде, поэтому её рассказ становится намного живее. Она вспоминает, что думала о верблюде, когда была маленькой...

Это очень важно: работая с маленькими, вспоминать себя...

«Я говорю — «маленький».
Саша говорит противоположное слово...» — «Большой» — «Я говорю:
«черный» — «Белый» — «Горький» —
«Сладкий» — «Вася хороший, а Ольга
Ивановна, какая?» — «Нет, Ольга
Ивановна хорошая!..»

«Я говорю — «маленький». Саша говорит противоположное слово...» — «Большой» — «Я говорю: «черный» — «Белый» — «Горький» — «Сладкий» — «Вася хороший, а Ольга Ивановна, какая?» — «Нет, Ольга Ивановна хорошая!..»

Устали.

«Поднимите руки, поработаем пальчиками:

«А если язык болтает, то?..» Хором: «Рукам мешает!»

Выражают на листе свои впечатления от «путешествия».

Впечатлений маловато. Воспитатель всё же не путешественник и не был в тех краях, о которых рассказывает (хотя мог бы и быть, в царской России, например, педагог после 12 лет службы имел право на годичный отпуск «с целью освежения его сил и пополнения знаний», право на образовательные экскурсии за границу и многое другое).

Сегодня, спустя более чем век, это выглядит фантастикой... Но есть вещи более реальные — родственники, дедушки и бабушки, люди с опытом, которые могут рассказать детям о том, что видели в жизни, хорошо знают. Кусок жизни, переданный очевидцами, совершенно по-другому образовывает и воспитывает ребёнка. А участие родных и знакомых делает детский сад народным!

НЕ ОБЕЩАЙТЕ РЕБЁНКУ, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ВЫПОЛНИТЬ

Недавно оппонировал диссертацию, в которой приводился экспериментальный факт: на рисунках детей северного народа мало тёплых красок и улыбок (процентов восемь, кажется, только улыбаются).

В Москве улыбок на детских рисунках тоже немного, в отличие от Киева. Что-то нужно сделать взрослым, чтобы на рисунках

детей появились яркие оранжевые краски, как в украинском селе Прелестном...

...Музыкальный руководитель зашла репетировать русскую Масленицу. Сели, запели: «Ой, блин, блин, блин, вы блиночки мои...» Но интереса что-то не чувствуется. Пока «воробьи чирикают и весну кликают», Ольга Ивановна очищает и раскладывает по блюдечкам мандарины. Музыкальный руководитель уходит, а дети с радостью рассаживаются за столы и начинают напевать: «Ой, блин-блин-блин...»

«Что это вы тут хорошо поёте, а там хуже?» — удивляется Ольга Ивановна. А те не могут остановиться — едят мандарины и поют...

10:30. К Ольге Ивановне выстроилась очередь — одеваться гулять. «Ребята, строиться парами! Где у нас Никита? Вань, солнце моё, ты хочешь сказать что-нибудь?»

Вышли кататься с ледяной горки, в строительстве которой я тоже, как родитель, принимал участие. А теперь опробовал — съехал. Один детсадовец подошёл, посмотрел на меня сверху вниз: «Ну ты даёшь...»

Ольга Ивановна Фохт говорит, что по маминой линии бабушка была украинка, дед — поляк, он её украл и увез на Кубань. А по отцовской линии — казаки, «ну, я больше казачка».

***Никита уже, оказывается,
говорит по-английски.***

***А по-русски он с Ольгой Ивановной
размышляет о времени, что оно
пролетает. «Хоп — и пролетело,
хоп — и пролетело. И воскресенье
прошло»***

Окончила школу в краснодарской станице, потом военное училище в Ленинграде (в педагогическое мест не хватило) и распределилась на Байконур — думала, романтическое место, тюльпаны... Ну, два года поработала, нашла себе мужа... А когда дочка родилась, пошла в сад поваром — днём работала, а вечером училась на педагога. Отпустить с кухни, говорит, меня не хотели, мы там тоже что-нибудь придумывали: выпечку, кренделя, варенье...

«Лёша плачет», — сообщают воспитанники Ольге Ивановне. Лёша за горкой плачет. Ольга Ивановна побежала, поцеловала. «Не плачь, женщина не должна видеть мужских слез...»

11:30. Вернулись с мороза — румяные. Каждый получил от Ольги Ивановны по сушке-малышке.

Никита уже, оказывается, говорит по-английски. А по-русски он с Ольгой Ивановной размышляет о времени, что оно пролетает. «Хоп — и пролетело, хоп — и пролетело. И воскресенье прошло».

Воспитатель вышла на минутку, и воспитанники сообщили: «Когда Ольга Ивановна ушла, можно беситься» — «А когда пришла?» — «Надо везде наводить порядок, мыть, чистить...» «Скоро придёт» — сказал я. «Скажите, что надо приводить в порядок?» — спросил один из группы. Я сказал — и все быстро-быстро стали наводить порядок.

12:00. Зашёл к заведующей Клавдии Николаевне Готовой (хорошей заведующей, что это такое, разговор особый), и мы поговорили о саде. Программы разные — «Истоки», «Детство», «Развитие» — педагоги используют по выбору. Работают с центром имени Запорожца. Сад — часть учебно-воспитательного комплекса, поэтому связь со школой, может быть, более тесная, первый класс располагается в саду, чтобы детям было комфортнее. Атмосфера у нас демократичная, сказала заведующая, у каждого воспитателя какие-то свои подходы, методики, есть музей русской культуры, театр, всё как-то соединяется. За исключением зарплаты...

Удивительно, что люди ещё работают. Начинаящий воспитатель получает меньше двух тысяч рублей («без вычетов»), а опытный — меньше трёх.

Ворвалась воспитательница в слезах: «Я смену отработала...» И выбежала. Клавдия Николаевна пошла разбираться...

А правительство проводит очередную реформу.

На стене нарисованный ёжик держит листок: «Никогда не обещайте ребёнку, чего нельзя выполнить и никогда не обманывайте его. К.Д. Ушинский»

Вы знаете, дети думают, что я прихожу в сад играть. Я у них спрашиваю: «Что Ольга Ивановна делает в саду? Мама – работает. А Ольга Ивановна?» – «Играет»

13:00 — тихий час.

В спальне уютно. Голубые поддеяльники. Подвесной потолок — три папы и бабушка вешали, а мамы клеили обои и шили занавески. «Раз-два-три — усни!..»

А Юля уже спит — образцово-показательная. А Тамара — нет.

«Тамара, к стеночке поворачивайся. Кто первый уснёт, тому приснится добрая сказка».

К каждому Ольга Ивановна подойдет, поцелует, погладит...

«А вы спите?» — спрашиваю её. «Сплю, я?» — смеётся. «Я думал, вы тоже отдыхаете» — «Как раз в это время не отдыхаю... Надо протереть пыль, убрать, подготовиться к занятию. Вы знаете,

дети думают, что я прихожу в сад играть. Я у них спрашиваю: «Что Ольга Ивановна делает в саду? Мама — работает. А Ольга Ивановна?» — «Играет».

«Как вечный двигатель? Как — входите в роль, взбадриваетесь? Или естественно?»

«Я думаю, естественно. Вот ярмарка будет, надо всё сделать, проверить, думаешь, Боже мой, последний раз... Но, конечно, это моё, то, что мне нравится. Бывает, что-то упустишь — в школе догонят. А конструирование, театр, ярмарка — этого не будет...»

«...Мама спрашивают: а когда начнётся подготовка к школе? А мы уже готовимся: вырезаем, наклеиваем, делаем разные мелкие движения... Если будут работать пальцы, будет работать голова», — передает по-своему Ольга Ивановна Сухомлинского («У ребёнка мысль на кончиках пальцев»).

Мы громко разговариваем — дети спят крепко.

Чем обычно коллеги интересуются: а какая программа? учебник? по какой методике работаете? И у Ольги Ивановны есть, конечно, методика. Но главное — ласка, общение с ребёнком, то, что называется любовью, которая светится в воспитателе и делает его близким, родным в глазах детей и родителей.

Как-то я спросил студентку педучилища: если бы у вас были свои дети, отдали бы в сад? Нет, ответила будущая воспитательница. Аргументация её была поразительная: «Не хочу, — сказала она, — чтобы с моим ребёнком был чужой человек...»

Вот это, может быть, самое важное, что отличает воспитателя сада. Он должен восприниматься как родной, близкий человек...

ЛЁШКА В ГОЛУБОМ ОДЕЯЛЕ

Это её дети. Новый набор, чудной, шумный, неуклюжий. Три-четыре месяца прошло — и привыкла. Уходят — плачут. Приходят — радуются. Некоторые до сих пор заходят...

«А кажется, — говорю я, — что даже такого понятия — “выпускник детского сада” — не существует. Ну, что они помнят?» — «Нет, вот заходят — “ой, а вот эту игрушку я помню”. Плоскостной театр некоторые запомнили, сказку о репке, Снегурочку... «А вы что-нибудь помните из раннего детства?» — спрашиваю Ольгу Ивановну.

«Я помню, — вспоминает она, — бабушкины пирожки. Белая скатерть, туда хлеб горячий, накрывала капустным листом, и в фуфайку все это заворачивала... И чёрную корову Бурёнку помню, и себя с кружкой молока. Ещё помню, как в три года меня покусал гусь. Так покусал,

что я до сих пор боюсь гусей. А собак — нет...

Ещё помню — только родился брат Васька, мне было пять лет, в мае у нас прошел град, ужасный, с куриное яйцо, разбил окна. И я вытащила Ваську, и мы с ним залезли в шифоньер.

...Потом в детском саду. Нас с подружкой поставили танцевать «Светит месяц»... А потом меня сняли с этого танца, и я понимаю, почему — ни слуха, ни голоса... А мне было очень обидно. «Светит месяц...» А с этой девочкой, она живёт в Питере, мы до сих пор дружим...»

«То есть — не стирается? А я думал — остаётся за кадром» — «Не-а... Вот Новый год почему-то не запомнился. Только уже в школе. Мы с мамой к Новому году всегда делали игрушки. У нас во дворе росла туя, и мы из марли, из бинта, делали зайцев, белок, шишки с орешками, заматывали в фольгу, разукрашивали — такая ёлка всегда красивая была. У меня мама многое чего умела, и мы шили с ней вместе...»

«...Есть дети, которых надо тормозить побольше», — говорит Ольга Ивановна. — «Жизнь сама растормозит» — «Нет, была бы помощница, можно было больше каждому уделять внимания. А так — кто активный, выскакивает» — «Отличники в школе — не всегда первые в жизни. А тут?» — «А что тут? Кто побой-

чей, тот взял игрушку. Так я же сама их стимулирую» — «Что, они должны быть все побойчей, поактивней?» — «Ну, нет, не могут все поактивней... Ой, я с вами заболталась...»

И Ольга Ивановна встаёт и исчезает в спальне, только мелькнёт тень перед окном, облепленном сказочными фигурками. А дети спят...

«Давайте я вам чайку погорячее налью».

А потом усядется за маленький стульчик и скрепляет детские домашние заготовки, цилиндрики, обклеенные разноцветными бумажками. Если соединить, получится бинокль. «Ой, промахнулась...» И что-то все время делает, делает...

Ну почему, глядя на неё, думаю я, в нашей стране, где много болтают о величии, так пренебрежительно относятся к малому. Воспитание — самое главное и сложное занятие, важнее нет... В Израиле понимают (полвека назад первый закон нового государства был законом о детском саде). В Японии понимают. В Финляндии. Во всем мире понимают, и только тут, где болтают о величии... Посадить бы на жалованье воспитателя министра, парламентария или президента. И как бы быстро все поняли...

Говорили о том, что такое детский сад. «Я думаю, что тут са-

мая яркая жизнь. — говорит Ольга Ивановна, — Детский сад это жизнь. В школе — уже другое: серое, обязательное, формальное, а тут — жизнь...»

Некоторые родители думают, что сад — это игрушки. Что вы, спрашивают, сегодня делали? Играли... А надо обязательно ребёнка спросить: во что играли? Мы вот, играя, рисуем. Нарисовали лису. Почему с белым кончиком хвоста? Потому что детки-лисята идут ночью и по белому кончику видят свою маму, находят маму. Обязательно, обращается Ольга Ивановна к детям, нарисуйте белый кончик хвоста...

Делюсь с Ольгой Ивановной опытом воспитания. Укладывая дочку спать, я придумал историю «про последнего» — мол, кто ляжет последним, за тем медведь придёт. И дочка старается быстрее лечь, чтобы не быть «последней».

«А я наоборот, — говорит Ольга Ивановна: — ложитесь, глазки закройте — кто первый заснёт, к тому придет самая красивая сказка. А кто нет — сказка может пройти мимо...»

«Да, что это я: медведь, медведь, надо менять мотивы», — сказал я, почесав затылок. Она засмеялась. «А мне почитать хочется, — вздохнула, — а я всё чем-то занята, то шью, то вяжу, то готовлю...»

...Всё-таки что-то положительное есть и в моем домашнем воспитании. Сказал Ольге Ивановне, что каждый день, со дня рождения дочки, делаю ей «спинку» — массирую, глажу, рассказывая какую-нибудь бесконечную историю с выдуманными героями (у нас, например, Юля, Маша и дочка Бабы-Яги). Говорят, если гладить спинку хотя бы десять минут в день, девочка будет стройная, как балерина. И мальчик —

О том, что такое детский сад. «Я думаю, что тут самая яркая жизнь, — говорит Ольга Ивановна, — детский сад — это жизнь. В школе — уже другое: серое, обязательное, формальное, а тут — жизнь...»

крепкий. Ну, во всяком случае с более здоровым позвоночником.

Оказывается, мама Ольги Ивановны тоже ей так делала. Пальчиками. «Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы. Ехал поезд запоздалый... Из последнего вагона вдруг посыпался горох (и пальцы быстро побежали по спинке). Куры клюют, петухам не дают. Как не дают? Ко-ко-ко...»

Пока разговаривали — под руками Ольги Ивановны уже биночки появились — подарки для мальчиков.

«Мой выпускник», – показала мне Ольга Ивановна длинного, выше её роста парня, зашедшего за младшим братиком. Наверное, заметил я, грустно смотреть на такую каланчу. «А я радуюсь, – ответила она, – как хорошо вырос». Хороший воспитатель радуется тому, что они растут и вырастают

Мама пришла – «Нельзя ли Лёшку? Разбудите, а?» Ольга Ивановна пошла в спальню и принесла Лёшку в голубом одеяле. «Ты проснулся? Просыпайся...»

Вот я думаю, в чём особенность этого, в общем, обычного (не Монтессори, не Вальдорф) детского сада? Чем хороша наша воспитательница? Мы так привыкли к ней, что может показаться – вокруг все такие.

По-моему, это первая черта хорошего воспитателя – привыкаешь и кажется, что по-другому не может быть.

Норма. Обыденность. Воздух, которым дышишь.

Но вот стал расспрашивать детей знакомых об их саде, и услышал...

...В группе две воспитательницы, одна «злая», другая хорошая. Но имени-отчества «хорошей» ребёнок не помнит.

...Детей воспитательница не обнимает, не целует или делает это так редко, что не запомнилось.

...Многое в том саду кажется похожим на наш. Но родители зимой не делают ледяную горку, не сидят вместе с детьми и воспитателями за чаем. Воспитательница пирог не печёт. И платья не меняет каждый день, ходит в одном...

То, что делает Ольга Ивановна, кажется таким естественным, само собой разумеющимся. А оказывается – нет... И поэтому одну «хорошую» – не помнят, как зовут, а другую – на всю жизнь...

Эта удивительная, непонятая ещё профессия – воспитатель...

«Мой выпускник», – показала мне Ольга Ивановна длинного, выше её роста парня, зашедшего за младшим братиком. Наверное, заметил я, грустно смотреть на такую каланчу. «А я радуюсь, – ответила она, – как хорошо вырос».

Хороший воспитатель радуется тому, что они растут и вырастают.

А людоед говорит вместо до свидания – «до съедания»... 🐼